

Ци Цзюньму слегка улынулся:

— Дядя, я считаю, что иногда поставить себя в безвыходное положение, чтобы затем возродиться — это тоже метод. Я уже послал Жуань Цзицина в дом Шэнь с императорским указом.

Его слова недвусмысленно намекали на то, что Шэнь Нянь получит звание любимого сановника.

Линь Сяо нахмурился. Решение императора было окончательным, и он не мог больше возражать. К тому же, сейчас трудности должны были испытывать скорее Шэнь Нянь, а не император.

Линь Сяо осознал это и перестал волноваться:

— Я понимаю намерения Вашего Величества.

Ци Цзюньму равнодушно кивнул. Если Линь Сяо сказал, что понимает, то он будет считать, что тот действительно понял.

— Ваше Величество, я собираюсь навестить вдовствующую императрицу. Не хотите ли присоединиться? — Линь Сяо хотел смягчить отношения между императрицей и императором, поэтому задал этот вопрос.

Ци Цзюньму слегка опустил веки, его лицо оставалось невозмутимым:

— Дядя, идите первым.

Он не сказал, хочет ли он идти или нет. Линь Сяо посмотрел на него, поклонился и удалился.

После его ухода Ци Цзюньму сжал губы, в его глазах мелькнула насмешка. Он и так знал, что в покоях вдовствующей императрицы сейчас царит гармония. Госпожа Юэ, жена его дяди, наверняка привела с собой Линь Эня.

С появлением Линь Эня вдовствующая императрица, конечно же, попросила Фухуа составить им компанию. Они, вероятно, смеются и веселятся, и его присутствие только создаст неловкость.

При мысли об этом Ци Цзюньму усмехнулся.

Но это было неважно.

Через полчаса Жуань Цзицин вернулся из-за пределов дворца. Его лицо выражало странное беспокойство, и Ци Цзюньму не мог сделать вид, что этого не замечает.

На этот раз, не дожидаясь вопроса императора, Жуань Цзицин сказал:

— Ваше Величество, Шэнь... маркиз — усмиритель Севера стоит на коленях у Вумен, умоляя о прощении.

Вумен был местом, где чиновники входили и выходили из дворца. То, что Шэнь Нянь стоял там на коленях, означало, что все это видели.

Ци Цзюньму приподнял бровь и равнодушно произнес:

— Что, маркиз — усмиритель Севера всё ещё хочет соблюсти траур?

Если так, то он готов удовлетворить желание Шэнь Няня. В конце концов, он не был настолько беспомощным, чтобы не найти кого-то для охраны ворот.

Жуань Цзицин поспешно ответил:

— Нет, Ваше Величество. Маркиз — усмиритель Севера просит прощения за то, что хотел купить должность для своего младшего брата. Он горько плачет у Вумен, говоря, что не оправдал ожиданий Вашего Величества, и умоляет отозвать указ о пожаловании титула.

— О? И такое бывает? — Ци Цзюньму резко выпрямился, в его глазах вспыхнула улыбка. — Пригласите его войти.

Такой интересный спектакль он хотел увидеть как можно скорее.

Получив приказ войти во дворец для аудиенции, Шэнь Нянь, не сказав ни слова, поднялся на ноги и молча последовал за Жуань Цзицином в Чертог Цяньхуа.

Расстояние от Вумен до Чертога Цяньхуа было немаленьким, и по пути он всё время думал о Ци Цзюньму.

Сегодняшняя аудиенция была понятна им обоим без слов. Конечно, такая согласованность появилась не сразу. Когда он возвращался с Северных рубежей с гробом, солдаты армии Северных рубежей волновались за него.

Он дважды ослушался императорских указов на Северных рубежах. В первый раз он не выполнил приказ императора, не выйдя из крепости. Во второй раз он не последовал приказу вернуться в столицу в одиночку, настаивая на том, чтобы взять с собой Шэнь И.

Был ещё один, более скрытый случай, когда он намеренно задержал доставку доклада на два дня, ссылаясь на снежные заносы, и настоял на соблюдении семидневного траура. Если рассматривать это как преступление, оно было серьёзнее, чем предыдущие случаи неповиновения.

Император мог легко обвинить его в узурпации власти и неподчинении приказам. Это было очень серьёзное обвинение, которое в устах недоброжелателей могло звучать как измена.

Солдаты Северных рубежей беспокоились именно об этом. Судя по нескольким императорским указам, новый император не был человеком великодушным, и он точно запомнил поступки Шэнь Няня.

Если бы император решил напасть на него сразу по возвращении в столицу, для Шэнь Няня это означало бы смерть. Самое главное, что армия Северных рубежей была предана семье Шэнь больше, чем императору. Кто бы ни сидел на троне, он не мог бы чувствовать себя спокойно с Шэнь Нянем, и всегда старался бы отобрать у него военную власть.

Поэтому было естественно, что император воспользуется случаем, чтобы обвинить Шэнь Няня и проучить армию Северных рубежей.

Шэнь Нянь тоже думал о таком исходе и даже подготовился к нему. Как только он доставит Шэнь И в столицу, он немедленно подаст прошение о соблюдении траура. Если император хоть немного беспокоится о своей репутации, он не станет действовать против него сейчас. В

худшем случае, его жизнь просто станет не такой комфортной.

Некоторые солдаты намекали, что хотят следовать за ним. Шэнь Нянь не был глупцом, и если бы он действительно оказался в окружении врагов, он, возможно, задумался бы о других планах.

Но хотя император Цзин совершил немало безрассудных поступков, он был щедр к границам, никогда не задерживая выплаты серебра или поставки провизии. Великая Ци была в мире, и если бы эти люди упрямо последовали за ним, они бы только погубили себя и свои семьи.

Шэнь Нянь, решив вернуться в столицу, уже готовился к худшему, особенно когда Ци Цзюньму, ещё до его возвращения, пожаловал его отцу Шэнь И титул маркиза, а его самого назначил наследником. Это чувство плохого предчувствия достигло пика, когда он неожиданно встретил императора в Прощальном павильоне.

В то время он заметил, как чиновники вокруг украдкой смотрели на него, их глаза скрывали глубокую зависть и опасение.

Он знал, что не может приблизиться к императору для приветствия, и намеренно допустил очевидную ошибку в церемонии, чтобы создать впечатление, что он простой грубиян, не заслуживающий внимания.

Это также косвенно показывало императору, что его неповиновение не имело другого скрытого смысла.

Честно говоря, реакция императора тогда его удивила. Он был очень добр и почти ласков. Шэнь Нянь почувствовал ледяной ужас, прекрасно понимая, что чрезмерная милость — это чрезвычайная опасность.

Методы Ци Цзюньму были просты, но эффективны. Он и так был объектом всеобщего внимания, а после действий императора стал центром внимания. Шэнь Нянь тогда горько усмехнулся в душе, но радовался, что у него ещё есть путь к отступлению, и он не оказался в ситуации, когда его выбросили, как ненужную вещь.

Шэнь Нянь много думал, но он никак не ожидал, что, когда его мать намеренно придиралась к нему, Ци Цзюньму появится и в разговоре будет его защищать.

Шэнь Нянь сразу понял, что император хочет использовать его.

Если он согласится быть использованным, то до того, как император расправится с ним, он будет любимцем. Если он не захочет, то просто тихо исчезнет.

Шэнь Нянь, выросший на границе, считал, что у него есть хоть какая-то гордость, и поэтому выбрал первый путь. Он думал о Северных рубежах. Может быть, это было суровое место, с грубой кожей и простой одеждой, но он хотел вернуться туда, а не исчезнуть навсегда.

Если император хочет его использовать, то до того, как он станет ненужным, у него ещё есть время найти выход. Поэтому, когда Ци Цзюньму издал указ, пожаловав ему титул маркиза и разрешив не соблюдать трёхлетний траур, он задумался и решил устроить сегодняшнее представление у Вумен.

Его не пугало унижение, его пугала смерть.

Он не считал это позором. Лучше умереть на поле боя, чем в столице, став жертвой чьих-то интриг. Если человек теряет жизнь, он теряет всё. У него была возможность жить, и он намерен был её использовать.

Шэнь Нянь всё обдумал и, следуя за Жуань Цзицином, вошёл в Чертог Цяньхуа. Его слова были ясны, а действия — решительны.

Увидев императора, он не поднял голову и сразу начал своё представление.

Он опустился на колени и произнес:

— Ваше Величество, я пришёл умолять Вас отозвать пожалованный мне титул.

Он говорил это с выражением горечи на лице, голос звучал жалобно и печально, словно он был в глубоком смятении.

Ци Цзюньму слегка приподнял бровь. Его брови были узкими и длинными, уходящими в виски, и это движение придало его лицу лёгкую беззаботность, делая его холодным и отстранённым.

Император, казалось, был в хорошем настроении. Он посмотрел на новоиспечённого маркиза — усмирителя Севера и не стал сразу спрашивать о причинах, а велел Жуань Цзицину принести стул, чтобы Шэнь Нянь мог сесть и подробно рассказать, что его так расстроило.

Шэнь Нянь, увидев, что ему разрешили сидеть, не стал продолжать просить о прощении, не дав императору возможности передумать. Он поклонился в знак благодарности, быстро поднялся и сел.

Его движения были быстрыми, но выражение лица оставалось полным глубокой печали.

Ци Цзюньму впервые видел человека, который так быстро и решительно справлялся с церемониями. Он невольно подёрнул веком и наконец посмотрел на Шэнь Няня:

— Что вы имели в виду, говоря это?

Шэнь Нянь хотел ответить, но в горле запершило, и он закашлялся. В этот холодный день он долго стоял на коленях у Вумен, а теперь в зале было тепло.

Резкая смена температуры вызвала кашель, и это было вполне естественно.

Ци Цзюньму наблюдал за маркизом — усмирителем Севера, который снова нарушил этикет перед императором, с невыразимым выражением лица.

<http://bllate.org/book/16626/1521983>